КРОВНАЯ МЕТКА

18+

ОЛЬГА ЕФИМОВА

Ольга Ефимова

Кровная Метка

«Автор»
2026

Ефимова О.

Кровная Метка / О. Ефимова — «Автор», 2026

Ева Рорк — лучший судмедэксперт города. Холодные руки, ровный голос, ни одной ошибки за десять лет. Никто не знает, что она прячется: десять лет назад Ева была омегой в стае оборотней, практиковавшей жестокие ритуалы, и сбежала после того, как любимый человек укусил её и назвал своей. С тех пор формалин стал её бронёй, а ночные пробежки по крышам — способом сжечь инстинкты.Всё меняется, когда на её стол попадает тело с тремя бороздами на спине — следами когтей, которые оставляют только прошедшие обряд Метки. Вскоре на пороге появляется Марк, тот самый предатель. Он не просит прощения — он просит помощи: стаю истребляют, и только Ева, единственная женщина-оборотень, пережившая обращение, может подобраться к убийце незамеченной.Ева возвращается туда, откуда бежала. Между ненавистью к Марку и животным притяжением, между стаей и женихом-человеком, который начинает задавать правильные вопросы, она ищет убийцу. Её кровь — ключ к армии неуправляемых вервольфов.

© Ефимова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1. Запах, которого не должно быть 6
ГЛАВА 2. Человеческая роль 11
ГЛАВА 3. Завод 15
ГЛАВА 4. На пороге 20
ГЛАВА 5. Десять лет назад 25
ГЛАВА 6. Отказ 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Ольга Ефимова
Кровная Метка

ПРОЛОГ

За три дня до первого тела.

Парк на окраине города закрывали в полночь, и вовсе не из-за криминальной обстановки — просто фонари там горели через один, а дорожки чинили раз в пять лет, так что местные жители давно махнули рукой и говорили, что гулять там некому. Лина всё равно шла через парк, потому что так было короче на десять минут, а ей хотелось поскорее оказаться дома. Она не слышала шагов за спиной вовсе не потому, что их не было, а потому что тот, кто шёл за ней, умел ступать так, чтобы земля не выдавала его присутствия.

Лина остановилась у старой ротонды, достала телефон, увидела на экране «23:47» — сообщений не было. Она вздохнула и сунула телефон обратно в карман, после чего пошла дальше, вдыхая ветер, который пах мокрой корой и чем-то ещё — тёплым и железным. Она не успела обернуться, потому что его рука легла ей на плечо не грубо, почти нежно. Лина дёрнулась, но пальцы сжались крепче — это была не человеческая хватка: слишком сильная и слишком спокойная.

— Тише, — сказал он мягким, почти ласковым голосом. — Я не сделаю тебе больно. Больно будет потом.

Она попыталась закричать, но он закрыл ей рот ладонью, которая пахла землёй и чем-то сладковатым, травами и кровью. Потом он развернул её лицом к себе, и в темноте блеснули глаза — слишком яркие для человека и слишком жёлтые.

— Ты не она, — сказал он. — Но ты подойдёшь.

Лина не поняла этих слов — и уже никогда не смогла бы их понять.

Он аккуратно, почти бережно уложил её на землю у павильона, а затем достал из кармана старый нож с костяной рукоятью: на ней темнели символы, знакомые Лине лишь по фильмам да ночным кошмарам. Лезвием он провёл по её спине — не резал, а вычерчивал три глубокие, ровные линии от лопаток до поясницы, чтобы на коже остались отчётливые борозды. Лина хрипела, а он не слушал, потому что шептал слова, которые были старыми — старше города и старше людей, которые его построили. Он выучил их десять лет назад от женщины, которая пахла формалином и снегом.

— Кровь к крови. Метка к метке. Зверь к зверю.

Он закончил, выпрямился и посмотрел на свою работу — три борозды, те самые, как у тех, кого нашли в лесу, и как у тех, кого ещё найдут. Потом он достал стеклянный флакон, набрал крови из раны, заткнул пробкой и убрал в карман. После этого присел рядом с телом и провёл пальцем по щеке Лины.

— Прости, — сказал он. — Ты — не она. Но ты — ключ.

Он поднялся, посмотрел на луну, которая была почти полной, и понял, что осталось ещё три дня.

— Пора возвращаться, Ева, — прошептал он в темноту. — Я знаю, что ты смотришь.

Где-то далеко за городом, на крыше многоэтажки, женщина в чёрной куртке замерла, почувствовав запах влажного меха, холодной земли и железа. Она не знала его имени, но уже знала, что он вернулся.

Тело Лины нашли утром, когда дворник вызвал полицию, полиция вызвала морг, а морг вызвал доктора Рорк. И так Ева Рорк узнала, что прошлое не умирает, а просто ждёт, пока ты перестанешь пахнуть формалином.

ГЛАВА 1. Запах, которого не должно быть

В три часа ночи морг городской клинической больницы № 7 принадлежал ей одной, и это было не официальное заявление, а просто факт, который все молча принимали. Санитары давно усвоили простое правило: если доктор Рорк работает в ночную смену, лучше не заходить без стука. И дело было вовсе не в её строгости, потому что строгой она не была. Просто от неё веяло чем-то, что заставляло их стучать дважды и ждать ответа дольше, чем нужно, а потом входить с ощущением, будто они нарушают чужую границу.

Ева Рорк знала об этом и не пыталась ничего исправить — ей было проще, когда люди держались на расстоянии и не задавали лишних вопросов. Она привыкла к такой тишине вокруг себя, к тому, что никто не пытается разгадать её тайну. Холодные руки и ровный голос, не дрогнувший за десять лет работы с мёртвыми телами, стали для неё не изъяном, а своего рода щитом.

Сегодняшнее тело лежало на столе уже два часа, и Ева оттягивала начало вскрытия дольше, чем следовало, хотя сама себе в этом не признавалась. Женщина двадцати шести лет, неопознанная, поступила из парка на окраине города. Официальная причина смерти — «множественные травмы, несовместимые с жизнью»: эта формулировка казалась слишком удобной, словно за ней намеренно прятали правду.

Ева стояла у стола, не прикасаясь к телу, и смотрела на него неподвижным взглядом. В голове у неё было пусто и тихо — так бывает перед грозой, когда воздух густеет, тяжелеет, и ты уже чувствуешь, что вот-вот случится нечто неизбежное, только пока не знаешь, что именно.

Женщина лежала на животе, и её спина была тем самым местом, куда Ева старалась не смотреть, но взгляд всё равно возвращался туда снова и снова, как язык к больному зубу. От лопаток до поясницы тянулись три параллельные борозды — они выглядели неестественно ровными, чтобы быть следом ножа, чересчур глубокими для царапин от веток и слишком правильными, чтобы их оставило животное.

Ева уже видела такие отметины — десять лет назад, в другой части страны, в той жизни, которую она старалась не вспоминать. Тогда она искренне надеялась, что никогда больше не столкнётся с этим узором боли. Она шагнула вперёд, натянула перчатки и заставила себя сделать вдох: оттягивать было бессмысленно, а сейчас, пока она ещё держала себя в руках, казалось самым правильным.

В воздухе плотной стеной стоял запах формалина — он привычно заглушал все остальные оттенки: лёгкий аромат духов, человеческий пот, едва уловимые ноты страха и возбуждения. За долгие годы работы Ева научилась не замечать эти запахи, но резкий дух формалина оставался неизменным спутником каждого её дня. Она по-прежнему думала, что формалин пахнет ложью, — и сегодня эта привычная ложь снова должна была стать её укрытием.

Она наклонилась над телом и вдохнула глубже, и то, что она почувствовала, заставило её замереть на месте с открытыми глазами и пустыми руками. Под формалином, под спиртом и резиной перчаток, под медью застоявшейся крови был ещё один запах, тонкий и почти неуловимый, но Ева не могла его не узнать, потому что он был частью её самой: влажный мех, холодная земля, железо ритуального ножа. И самое страшное — запах метки, той самой, которую ставили на кожу, на кость, на душу и которая активировала дикую сущность, которую она десять лет держала в клетке из дисциплины и формалина.

Ева выпрямилась и отступила на шаг. Её руки не дрожали, потому что она давно научилась не позволять им дрожать, но внутри, где-то под рёбрами, что-то скреблось и царапалось, просилось наружу и требовало, чтобы его выпустили.

— Нет, — сказала она вслух, и её голос прозвучал ровно и медицински холодно, как будто она разговаривала с коллегой, а не с собственным зверем. — Не сейчас. Не здесь.

Она снова взяла скальпель и заставила себя вернуться к работе, потому что работа была единственным, что держало её в человеческом облике все эти годы. И потому что, если она сейчас остановится, то уже не сможет начать снова. Тело раскрывалось под её руками, как книга, которую она читала сотни раз. И Ева знала каждый орган, каждую мышцу, каждую кость, потому что анатомия была её языком, на котором она говорила с миром мёртвых, — и этот язык был безопаснее любого другого.

Она работала двадцать минут, потом сорок, потом час. И всё было обычно, всё было правильно, всё было так, как должно быть, кроме трёх борозд на спине, которые она обходила, но не могла не видеть, и кроме запаха, который не уходил, как бы она ни старалась его игнорировать.

Закончив, Ева зашила тело, сняла перчатки и подошла к раковине, чтобы вымыть руки. Она тёрла кожу снова и снова — двадцать секунд, потом тридцать, потом сорок: горячая вода, антибактериальное мыло и щётка были её ритуалом, способом вернуть себе ощущение человечности. И она не могла остановиться, пока не почувствовала, что кожа под ногтями наконец стала безупречно чистой.

Ева стояла в коридоре, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрела на гудящие лампы дневного света под потолком. Где-то наверху, в привычном человеческом мире, Дэвид спокойно спал в их квартире и даже не подозревал, что она уходит по ночам. Он не знал ни о её ледяной коже, ни о том, почему после заката она сторонится близости, ни о странном ярком блеске в её глазах, который она прятала, думая, что он не замечает.

А правда была в том, что его невеста — единственная женщина-оборотень, сумевшая выжить после обращения. Ева отчаянно надеялась, что Дэвид никогда не узнает об этом. Ведь для человека, выросшего на сказках, где монстры всегда проигрывают, такая истина оказалась бы невыносимо тяжёлой.

За окном морга лежал город с миллионом огней, миллионом жизней и миллионом людей, которые не знают, что ходят рядом с монстрами. Ева смотрела на них и думала о том, что ещё вчера она могла притворяться. Ещё вчера она могла быть просто патологоанатомом с холодными руками и странными привычками, и никто не задавал вопросов, потому что в большом городе каждый имеет право на свои странности. Но сегодня ложь треснула, и сквозь трещину уже сочилась кровь. И Ева знала, что, если она не заделает эту трещину сейчас, то очень скоро всё, что она построила за десять лет, рухнет и погребёт её под обломками.

Она достала телефон и увидела двадцать три пропущенных от Дэвида, три от работы и одно сообщение с незнакомого номера, которое гласило: «Я знаю, что ты видела. Позвони». Ева удалила сообщение, убрала телефон и открыла окно, чтобы впустить ночной воздух, который пах бензином, дождём и чем-то ещё, чем-то диким и знакомым. Она стояла так минуту, две, три, прежде чем закрыть окно и вернуться к столу, потому что работа ещё не была закончена.

Ева села за компьютер и принялась заполнять отчёт. Её пальцы привычно летали по клавишам — эта скорость рождалась из тысяч однообразных повторений. Слова складывались в сухие, обезличенные фразы, которые могли бы выйти из-под пера любого патологоанатома в стране. В них не было ни намёка на её личные переживания — только строгая фиксация фактов.

«Множественные травмы, несовместимые с жизнью. Повреждения кожных покровов спины в виде трёх параллельных линейных ран. Причина смерти — массивная кровопотеря», — строки ложились на экран, холодные и окончательные.

Ева остановилась на последнем предложении и трижды перечитала его. Оно было правдой — но далеко не всей, и она прекрасно это понимала. Если изложить всю правду, её либо уволят, либо отправят в психиатрическую лечебницу, либо — что пугало больше всего — кто-то придёт с вопросами, на которые она не хотела отвечать.

Она сохранила отчёт, закрыла компьютер и взглянула на часы: половина шестого утра. Идти домой не имело смысла — через час проснётся Дэвид и начнёт спрашивать о том, на что у неё не было ответов. Вместо дома она пошла на крышу, потому что это было единственное место, где она могла дышать, и где зверь внутри неё мог хотя бы ненадолго почувствовать себя свободным.

Крыша больницы была плоской и покрытой гравием, и с неё открывался вид на город, который просыпался медленно и неохотно, как будто тоже не хотел начинать новый день. Ева стояла у края и смотрела вниз, на улицы, которые постепенно наполнялись людьми и машинами. Она думала о том, что десять лет назад стояла на другой крыше, в другом городе, и смотрела на другой рассвет, и тогда ей казалось, что она свободна.

Она сбежала из стаи после того, как её укусил человек, которого она любила, и который предал стаю. Она думала, что сможет жить как человек, если будет достаточно стараться. Она научилась контролировать зверя с помощью жёсткой дисциплины и формалина, который перебивал человеческие феромоны. Она нашла работу, где мёртвые не задают вопросов, — это стало её тихой гаванью среди постоянного напряжения. Она встретила Дэвида: он был хорошим человеком и точно не заслуживал той тяжести, которую она невольно несла в их жизнь.

Ева знала, что рано или поздно всё закончится, и притворяться вечно не получится, но отчаянно надеялась, что судьба подарит ей ещё хоть немного времени.

Ева простояла на крыше до семи утра — пока небо не окрасилось в бледно-розовый. Потом прошла через пустой коридор морга и вышла на улицу, где её встретил холодный воздух и густой запах города. Она шла домой пешком: нужно было время, чтобы придумать, что сказать Дэвиду, и найти версию без оборотней и ритуальных убийств. Мимо спешивших на работу людей, закрытых магазинов, выгуливавших собак хозяев — и с каждым шагом чувство отчуждённости становилось острее. Запах метки не уходил из памяти: Ева знала, что не исчезнет, пока она не найдёт того, кто его оставил, и не поймёт, чего он хочет.

Домой она пришла в половине восьмого, и Дэвид уже сидел на кухне с чашкой кофе и смотрел на неё с тем выражением, которое она хорошо знала: смесь беспокойства и раздражения, которое он старательно прятал за вежливой улыбкой. Он был красивым мужчиной, высоким и светловолосым, с добрыми глазами и мягкими руками. Он работал архитектором и любил её так, как любят люди, которые никогда не сталкивались с настоящей тьмой.

Ева посмотрела на него и почувствовала укол вины, который был таким же острым, как и в первый раз, когда она поняла, что не сможет быть с ним честной.

— Ты не отвечала на звонки, — сказал он, и его голос был ровным, но Ева слышала в нём напряжение. — Я звонил двадцать три раза.

— Я была на работе, — сказала она, и это была правда, но не вся правда, и они оба это знали. — Ночная смена. Много тел.

Дэвид кивнул, но не отвёл взгляда, и Ева поняла, что он не верит ей и, возможно, уже давно не верит, но не хочет говорить об этом, потому что боится услышать ответ. Она подошла к нему и поцеловала в щёку, и её губы были холодными, как всегда, и он вздрогнул, как всегда, но ничего не сказал.

Ева налила себе кофе и села напротив, и они молчали. И это молчание было тяжелее любого разговора, потому что в нём было всё, что они не говорили друг другу за два года отношений.

— Ты выглядишь уставшей, — сказал наконец Дэвид, и Ева кивнула, потому что это было безопаснее, чем говорить правду. — Может, возьмёшь выходной? Мы могли бы куда-нибудь съездить на выходные.

— Не могу, — сказала она. — У нас завал. Три тела за неделю.

Это была ложь, потому что тел было только два, и второе ещё не поступило, но Ева знала, что оно появится, и что она не может позволить себе выходной, пока не разберётся с тем, что происходит.

Дэвид вздохнул и отставил чашку, и Ева увидела, как его плечи опустились, как будто он сдался, — и это было хуже, чем если бы он злился.

— Ева, — сказал он тихо, — я не знаю, что с тобой происходит. Ты приходишь домой под утро. Ты не спишь и не ешь. Ты смотришь на меня так, как будто я — чужой.

Она хотела сказать ему правду, но правда была слишком большой и слишком тёмной, чтобы поместиться в их маленькую кухню, и поэтому она сказала то, что говорила всегда, когда не могла сказать правду:

— У меня сложный период на работе. Это пройдёт.

Дэвид посмотрел на неё долгим взглядом, ничего не сказав. Ева поняла: он не поверил и, возможно, уже ищет ответы сам — скоро он наткнётся на то, что не сможет объяснить.

Она допила кофе, пошла в спальню переодеваться, и на секунду не узнала себя в зеркале: бледная, с тёмными кругами, плотно сжатыми губами и новым, чужим страхом в глазах. Отвернувшись, Ева машинально достала одежду из шкафа, думая, что, если не найдёт убийцу, потеряет всё.

Когда она вышла, Дэвид по-прежнему сидел на кухне, но теперь смотрел в телефон с напряжённым лицом. Холодок пробежал по её спине.

— Что-то случилось? — спросила она ровно, хотя внутри всё сжалось.

— Новости, — Дэвид повернул к ней экран: «В городском парке найдено тело молодой женщины. Полиция не исключает ритуального убийства».

Ева дважды прочла заголовок, и сердце пропустило удар.

— Это моё тело, — пояснила она, заметив его недоумение. — То, что я вскрывала ночью.

— Ритуальное убийство? — в его голосе звучало непривычное любопытство. — Это правда?

— Полиция не исключает, — повторила Ева стандартную фразу. — То есть они просто не знают.

Она взяла свою сумку и направилась к двери, и Дэвид окликнул её, но она не обернулась, потому что не могла смотреть ему в глаза и врать снова. Она вышла на улицу и зашагала к больнице, и в голове у неё было пусто и тихо, как перед грозой. И она знала, что гроза уже началась и что она не сможет от неё спрятаться.

Когда она пришла в морг, её ждало второе тело.

Ева стояла у стола и смотрела на женщину, которая лежала перед ней, и думала о том, что вчера она ещё могла притворяться, а сегодня уже нет. Женщина была молодой, двадцать восемь лет, и её звали Ольга. Она работала в библиотеке, у неё была собака и маленькая квартира на окраине города. Ева знала это из отчёта, который лежал рядом на столе. И она также знала, что на спине Ольги были три параллельные борозды, которые шли от лопаток до поясницы, — и что они были точно такими же, как у первой женщины, и что это означало только одно: убийца не остановится.

Она натянула перчатки и начала вскрытие. Её руки двигались с той точностью, которая приходит только после тысяч повторений, и её разум был холодным и ясным, как всегда, когда она работала. Она резала, и смотрела, и записывала, и всё было так, как должно быть, кроме запаха, который стоял в комнате и который она не могла игнорировать: влажный мех, холодная земля, железо. И метка, которая была такой же, как у первой женщины, — и которая говорила Еве, что убийца знает, что она смотрит.

Она закончила вскрытие через два часа и села за компьютер, чтобы заполнить отчёт. И когда она писала слова, которые были правдой, но не всей правдой, то думала о том, что кто-то там, снаружи, ждёт, чтобы она сделала следующий шаг. Она сохранила отчёт и вышла из морга,

и в коридоре её встретил начальник полиции — высокий и широкоплечий мужчина с усталыми глазами и жёсткой линией губ.

— Доктор Рорк, — сказал он, и его голос был официальным. — Что вы можете сказать о втором теле?

— То же, что и о первом, — сказала Ева. — Три параллельные борозды на спине. Массивная кровопотеря и никаких следов борьбы.

— Это значит, что убийца знал жертву, — сказал начальник, и Ева кивнула, потому что это был логичный вывод, но не единственный. — Или что он профессионал.

— Или что он не человек, — сказала Ева, и начальник посмотрел на неё с недоумением, и она поняла, что сказала слишком много.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, — сказала она быстро. — Я устала. Простите.

Она обошла его и направилась к выходу. Когда она вышла на улицу, то почувствовала, как холодный воздух ударил ей в лицо и как что-то внутри неё сжалось и приготовилось к прыжку. Она знала, что убийца где-то рядом, что он ждёт и что он хочет, чтобы она нашла его. И она знала, что у неё нет выбора.

Она вернулась домой поздно вечером, и Дэвид ждал её на кухне с тем же выражением, что и утром, но теперь в нём было что-то новое: решимость. Он посмотрел на неё и сказал:

— Ева, нам нужно поговорить.

И она поняла, что это начало конца.

ГЛАВА 2. Человеческая роль

Ева вернулась домой в половине девятого вечера. Дэвид ждал её на кухне. Он сидел за столом и смотрел на дверь. На столе стояла бутылка вина и две тарелки с остывшей едой. Ева поняла, что он готовился к разговору.

— Ты опоздала, — сказал он. Голос был ровным, даже слишком ровным.

— Было много работы, — сказала Ева. Она сняла куртку и повесила её на крючок. — Второе тело.

Дэвид молча кивнул — он уже был в курсе про второе тело: городские новости разлетались стремительно, и за несколько часов о случившемся знал едва ли не каждый. Ева подошла к столу, опустилась на стул напротив него, но к еде даже не притронулась. Она просто сидела, не сводя с него взгляда, и терпеливо ждала, что он скажет.

— Ева, — сказал он. — Я хочу спросить тебя кое о чём. И я хочу, чтобы ты ответила честно.

Ева коротко кивнула, и внутри у неё всё сжалось в тугой узел. Она давно ждала этого разговора — ждала два долгих года, заранее зная, какой вопрос сорвётся с его губ.

— Почему ты всегда холодная? — спросил Дэвид, не сводя с неё взгляда. — Не про характер, нет. Про кожу и твои руки — лёд. Губы — лёд. Даже когда ты спишь, от тебя тянет таким пронизывающим холодом, будто ты только что вышла из морозильника. Я сперва думал, это из-за работы: морг, формалин, всё это… Но время идёт, а ничего не меняется. Никогда.

Ева медленно втянула воздух. Этот ответ она репетировала сотни раз — прокручивала в голове разные варианты, подбирала слова, чтобы они звучали убедительно. Она знала, что рано или поздно он спросит.

— У меня проблемы с кровообращением, — выговорила она ровно. — Врачи говорили, что это наследственное. Ничего страшного, просто особенность организма.

Дэвид смотрел на неё долго, не моргая. В его взгляде не было гнева — только тихая, горькая уверенность. И Ева отчётливо видела: он не поверил ни единому её слову.

— Ты врёшь, — прошептал он, почти без злости, скорее с усталостью. — Врёшь мне уже два года. Не знаю, в чём именно, но чувствую это каждой клеткой.

Ева промолчала. Сказать правду она не могла: та была слишком огромной, слишком тёмной, чтобы уместиться в этой уютной кухне, в их обычной жизни.

— Я не хочу ссориться, — наконец тихо произнесла она. — Я так устала… Давай просто поужинаем, ладно?

Дэвид тяжело вздохнул, откинулся на спинку стула и провёл ладонью по волосам. Ева видела, что он сдался. Пока.

— Хорошо, — кивнул он. — Давай поужинаем.

Они ели в тяжёлом молчании. Еда остыла, стала безвкусной, но Ева едва ли замечала это. Мысли крутились вокруг совсем другого: вокруг запаха метки, трёх ровных борозд на чужой спине, вокруг того, кто мог знать её ритуалы и намеренно их нарушать.

— Ты что-нибудь слышала о Марке? — внезапно спросил Дэвид.

Ева застыла. Вилка замерла в сантиметре от её губ.

— О ком? — переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— О Марке, — повторил Дэвид. — Твой бывший. Ты пару раз упоминала его, ещё давно. Сегодня вдруг вспомнилось.

Ева аккуратно положила вилку на край тарелки. Руки оставались неподвижными — она давно научилась держать их под контролем, не позволять им дрожать.

— Нет, — сказала она. — Я ничего о нём не слышала. И не хочу слышать.

Дэвид кивнул. Он больше не спрашивал. Но Ева чувствовала, что он запомнил этот момент. Он запомнил её реакцию. Он был архитектором и умел замечать детали.

После ужина Ева молча перемыла посуду. В гостиной Дэвид сидел перед телевизором. До неё доносились обрывки новостей — диктор рассказывал про второе тело, полиция взывала к горожанам за помощью, а город, казалось, замер в тревожном ожидании. Ева выключила воду и замерла, вслушиваясь в голос из динамиков:

«…По данным следствия, у обеих жертв обнаружены идентичные повреждения на спине. Правоохранители не исключают, что в городе действует серийный убийца. Мэр настоятельно просит жителей избегать прогулок после наступления темноты…»

Ева закрыла кран, тщательно вытерла руки полотенцем. Потом невольно взглянула на своё отражение в тёмном стекле окна. Перед ней была чужая женщина — бледная, с потухшим взглядом, будто из неё вынули свет. Она едва узнала себя.

— Я пойду спать, — тихо сказала она Дэвиду.

Он не ответил. То ли не услышал, то ли просто не хотел отвечать. Он по-прежнему смотрел в экран — или старательно делал вид, что смотрит.

Ева прошла в спальню и плотно прикрыла за собой дверь. Улеглась на кровать, даже не сняв одежду. Лежала, уставившись в потолок, и ждала. Ждала чего-то — сама не знала чего.

Спустя час в комнату вошёл Дэвид. Лёг рядом, но не прикоснулся к ней, сразу повернулся к стене, спиной. Ева слышала его дыхание — ровное, неторопливое. Слишком уж ровное для настоящего сна. Он притворялся.

Она ждала ещё целый час, пока тишина в комнате не стала невыносимой. Потом бесшумно поднялась, надела кроссовки и куртку. Осторожно открыла окно и скользнула на пожарную лестницу. Этот путь она знала до последней скобы — проходила его столько раз, что могла бы пройти с закрытыми глазами.

Ночной город жил по другим законам. Днём он был шумным, суетливым, полным людей и машин. Ночью он становился тихим — и оттого куда более опасным.

Ева мчалась по крышам, перепрыгивая с одного здания на другое. Под ногами хрустел камень, звенел металл, ветер хлестал по лицу. С каждым прыжком, с каждым рывком зверь внутри неё пробуждался, расправлял когти, тянулся к свободе.

Она бежала не ради поиска убийцы. Это был её личный ритуал — способ сжечь бушующие инстинкты. Каждую ночь она носилась по крышам до тех пор, пока лёгкие не начинали гореть, а мышцы — дрожать от усталости. Пока зверь не затихал, хоть ненадолго.

Остановившись на краю высокой крыши, она посмотрела вниз, в тёмный, безлюдный переулок. Мысли сами собой вернулись к Дэвиду, к его вопросу, к тому, как он смотрел на неё — с болью и непониманием. Он не заслуживал всей этой тьмы. Не заслуживал лжи. Но правда была бы для него куда страшнее.

Закрыв глаза, Ева провалилась в воспоминание о той самой ночи — десять лет назад. Снег, запах крови, холод, обжигающий кожу. Марк стоял над ней, его глаза светились жёлтым, неестественно ярким светом. «Теперь ты моя», — сказал он тогда. А она не хотела быть ничьей особенно его.

Резко распахнув глаза, Ева снова бросилась вперёд. Прыжки через переулки, взлёты по стенам — она двигалась быстрее любого человека. И от этого ненавидела себя ещё сильнее. Монстр, запертый в человеческом облике.

Наконец она остановилась на крыше старого завода. Грудь ходила ходуном, лёгкие пылали, мышцы подрагивали от перенапряжения. Но зверь внутри затих пока.

Сев на край крыши, Ева свесила ноги и уставилась на город — на миллион огней, миллион жизней, в каждой из которых была своя маленькая вселенная. Она пыталась быть одной из них. Пыталась жить как обычный человек. Почти верила в это.

Достав телефон, она проверила сообщения. Пусто. Дэвид не писал. Наверное, спал или снова притворялся.

Убрав телефон, Ева подняла взгляд к луне — почти полной, зловеще яркой. Ещё два дня. Она знала, что полнолуние — это беда. В такие ночи контроль над зверем становился тоньше бумаги, а инстинкты — острее ножа.

Пора было возвращаться. Она сорвалась с места и побежала обратно — быстрее, чем раньше, словно пыталась обогнать саму луну. Ей нужно было успеть до рассвета, проскользнуть в окно до того, как Дэвид проснётся.

В четыре утра Ева тихо забралась в спальню. Дэвид по-прежнему лежал неподвижно. Спал? Или притворялся? Она сняла куртку и кроссовки, легла рядом, закрыла глаза. Но сон не шёл.

Мысли кружились вокруг запаха метки, трёх ровных борозд на чужой спине, вокруг того, кто знал её ритуал и намеренно его копировал. И ещё — о Марке. Она не хотела думать о нём, но мысли сами тянулись к нему, как железо к магниту.

«Теперь ты моя». Эти слова звенели в ушах. Он укусил её. Спас или погубил — она до сих пор не знала наверняка. А она сбежала. Оставила стаю, предала тех, кто вырастил её. И почти не жалела.

Повернувшись на бок, Ева посмотрела на Дэвида. Его лицо было спокойным, будто он и правда спал. Он ничего не знал — ни о том, кем она была, ни о том, что сделала, ни о том, что ей ещё предстоит сделать.

Снова закрыв глаза, Ева думала о том, что перемены уже на пороге. Скоро всё рухнет, и ей придётся встать лицом к лицу с тем, от чего она столько лет бежала. Она не была готова. Но выбора у неё не было.

Утро началось с запаха свежесваренного кофе. Ева открыла глаза и поняла: Дэвид уже встал. Он был на кухне — она слышала, как позвякивают чашки, как он тихо напевает себе под нос. Эта утренняя привычка всегда действовала ей на нервы, хотя она и не могла объяснить почему.

Она поднялась, накинула халат и вышла на кухню. Дэвид обернулся и улыбнулся — но улыбка получилась натянутой, будто держалась на тоненькой ниточке.

— Доброе утро, — сказал он. — Я сварил кофе.

— Спасибо, — ответила Ева, беря чашку. Кофе был обжигающе горячим, а на вкус — горьким, почти резким. Она не стала добавлять сахар.

— Ты плохо спала, — заметил Дэвид. — Я слышал, как ты вставала ночью.

Ева замерла, чашка застыла в сантиметре от её губ. Внутри всё сжалось.

— Не могла уснуть, — проговорила она, стараясь говорить ровно. — Вышла на балкон. Просто подышать.

Дэвид кивнул, но в его взгляде не было доверия. Она видела это — он не верил ни единому её слову.

— Ева, — он помолчал, подбирая слова. — Я не хочу сходить с ума от подозрений. Но у меня такое чувство, будто происходит что-то серьёзное. Что-то, о чём ты не говоришь.

Ева поставила чашку на стол и посмотрела на него. В этот момент она почти решилась — хотела вывалить всю правду: про стаю, про Марка, про ритуал, про то, кем она была на самом деле. Но страх сковал язык. Она боялась, что он уйдёт. И ещё страшнее — что останется, глядя на неё с жалостью или ужасом.

— Всё в порядке, — прошептала она. — Просто устала. Работа, стресс… Всё навалилось разом.

Дэвид долго смотрел на неё, будто пытался прочесть то, что она прятала за этими пустыми словами. Потом тяжело вздохнул, взял свою чашку и молча вышел из кухни. Ева

осталась одна, глядя на остывающий кофе. Ложь становилась всё тяжелее, словно обрастала слоями, и скоро она просто не сможет её удержать.

Днём Ева поехала в морг. Ей нужно было ещё раз взглянуть на тело Ольги, найти хоть какую-то деталь, которую она могла упустить.

В дверях морга её встретил удивлённый взгляд санитара.

— Доктор Рорк? Ваша смена только вечером.

— Я знаю, — коротко ответила Ева. — Мне нужно кое-что проверить.

Она прошла в секционную. Тело Ольги лежало на столе, укрытое простынёй. Ева откинула ткань и всмотрелась в спину женщины. Три борозды — те же самые, ровные, безжалостные. Она осторожно провела пальцем по краю раны, чувствуя что-то знакомое, почти родное в этой жестокости. Наклонившись ближе, она втянула воздух.

Запах был слабее, чем вчера, но он никуда не исчез: влажный мех, холодная земля, железо и — самое главное — запах метки. Тот самый, который она знала слишком хорошо.

Выпрямившись, Ева посмотрела на свои руки — они не дрожали. Она глубоко вдохнула. Решение уже созрело внутри, хоть и было опасным. Но выбора не оставалось.

Достав телефон, она набрала номер. Марк ответил после первого же гудка.

— Ева, — его голос звучал хрипло, будто он не спал несколько суток.

— Нам нужно встретиться, — сказала она без предисловий. — Сегодня в ближайшее время.

На мгновение повисла тишина.

— Я знал, что ты позвонишь, — проговорил он наконец. — Адрес ты помнишь.

Связь оборвалась. Ева убрала телефон, снова посмотрела на тело Ольги и аккуратно накрыла его простынёй.

— Прости, — тихо прошептала она. — Я найду того, кто это сделал. Обещаю.

Выйдя из морга, она села в машину, завела двигатель и поехала к старому заводу. Ева отчётливо понимала, что совершает ошибку. Но это был единственный путь остановить убийцу. И она знала: теперь дороги назад нет.

ГЛАВА 3. Завод

Завод стоял на окраине города, там, где заканчивались жилые кварталы и начинались пустыри. Ева знала это место, она видела его на картах. Она проезжала мимо него несколько раз. Но она никогда не заходила внутрь до сегодняшнего дня.

Она припарковала машину в переулке и вышла. Воздух пах ржавчиной и мокрым бетоном. Где-то капала вода, и скрипело железо. Ева посмотрела на здание. Оно было старым и заброшенным, окна были заколочены досками. Стены покрыты граффити. Но за всем этим Ева чувствовала другое. Она чувствовала запах стаи. Влажный мех. Холодная земля. Железо. Что-то, что она не могла назвать. И заставляло её сердце биться быстрее.

Она сделала вдох и вошла внутрь.

В помещении царила густая темнота — лишь редкие полосы света пробивались сквозь щели между досками. Ева двигалась медленно, ступая предельно осторожно. Она знала: за ней следят. Чувствовала на себе чужие взгляды, улавливала запахи — их было много: десять, двадцать, тридцать… Стая была здесь.

Пройдя по длинному коридору, она оказалась в просторном цехе. В центре пылал костёр, а вокруг него стояли фигуры. Люди… или не совсем люди. Внешне они походили на обычных людей, но в них было что-то чуждое: глаза светились слишком ярко, движения были неестественно быстрыми, а запах — диким, первозданным, от которого волоски на коже вставали дыбом.

Из круга вышла женщина — высокая, широкоплечая, с тёмными волосами и шрамом, рассекавшим левую щёку. Ева знала её. Это была Вера — альфа-женщина её прежней стаи, та самая, что когда-то учила её быть послушной, быть омегой, не задавать лишних вопросов и просто принимать правила.

— Ева, — проговорила Вера низким, ледяным голосом. — Ты вернулась.

— Я не вернулась, — твёрдо ответила Ева. — Я пришла за ответами.

Вера усмехнулась — и в этой усмешке не было ни капли тепла. Это был оскал хищника, который уже видит добычу и просто решает, как лучше её схватить.

— Ты всегда была упрямой, — произнесла она. — Даже когда была омегой. Особенно тогда.

Ева промолчала. Она не сводила глаз с Веры и ждала. Она знала эту женщину: та никогда не ограничивалась парой фраз.

— Стая умирает, — сказала Вера наконец.

— Я слышала, — кивнула Ева. — Марк говорил.

Вера снова кивнула и шагнула ближе. От неё пахло кровью и сырой землёй, а ещё чем-то горьким, терпким — чем-то, что Ева не могла назвать, но что отзывалось в её памяти холодом и тревогой.

— Марк сказал тебе далеко не всё, — процедила Вера. — Он не сказал, что убийца — один из нас.

Ева застыла, будто её ударили. Она смотрела на Веру и ждала, что та скажет дальше.

— Мы не знаем, кто он, — продолжала Вера. — Но знаем, что он использует ритуалы. Старые, запрещённые. Те, что мы отвергли много лет назад. Те, которые ты когда-то изучала.

По спине Евы пробежал ледяной холодок. Она прекрасно понимала, о чём речь. Ритуал Метки — тот самый, что пробуждает дикую сущность. Тот, который она осваивала десять лет назад. Тот, который использовала однажды — и с тех пор к нему не прикасалась.

— Я к этому не причастна, — проговорила Ева, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я ушла десять лет назад. Не знаю, кто это делает.

— Мы знаем, что ты не делаешь этого сейчас, — спокойно ответила Вера, и от этой спокойной уверенности становилось только страшнее. — Но мы также знаем: он использует твою кровь. Твою метку. Твою ритуальную формулу.

Ева сделала шаг назад. Она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она знала, что Вера скажет что-то ещё. Что-то, что изменит всё.

— Он использует тебя, Ева, — проговорила Вера, выделяя каждое слово. — Твоё имя, твою кровь, твою историю. И он не остановится, пока не заберёт то, что ему нужно.

— Что ему нужно? — спросила Ева, и в её голосе прозвучала не просто тревога — в нём была холодная готовность услышать худшее.

Вера задержала на ней долгий, тяжёлый взгляд, будто взвешивала, сколько правды можно доверить. Потом выдохнула и произнесла просто, без пафоса, от чего фраза прозвучала ещё страшнее:

— Тебя.

Ева стояла у костра, чувствуя, как жар лижет кожу, а внутри, в самой глубине, шевелится зверь — просыпается, тянется к огню и к опасности. Руки едва заметно подрагивали, и она стиснула кулаки, чтобы скрыть эту слабость, чтобы не дать ни малейшей дрожи вырваться наружу.

— Где Марк? — спросила она, стараясь говорить ровно.

— Он придёт, — спокойно ответила Вера. — Он всегда приходит, когда его зовут. Или когда пахнет бедой.

Ева кивнула, опустилась на холодный бетонный блок и снова уставилась на пламя. Огонь плясал, трещал, пожирал дрова — и будто пожирал тишину вокруг. Она ждала.

Прошло несколько минут — или вечность. Ева услышала шаги и тут же уловила знакомый запах. Она знала, кто это, ещё до того, как он появился в проёме. И не стала оборачиваться.

— Ева, — раздался голос Марка — хриплый, будто сорванный долгим молчанием. Будто он не спал не несколько дней, а все эти десять лет, что они не виделись.

Она повернулась. Он стоял в дверях — высокий, широкоплечий, словно сам заполнял собой весь проём. Волосы поседели, лицо избороздили шрамы, и выглядел он куда старше, чем она помнила. Но глаза остались прежними: жёлтые, яркие, пронзительные — и в них горел тот самый голодный огонь, который она когда-то так боялась увидеть.

— Ты пришла, — произнёс он.

— Я пришла за ответами, — резко сказала Ева, глядя ему прямо в глаза. — Не за тобой.

Марк усмехнулся — и в этой усмешке не было ни тепла, ни шутки. Это была усмешка человека, который знает больше, чем хочет показать, и наслаждается этим знанием.

— Ты всегда приходишь за ответами, — протянул он с лёгкой издёвкой. — Но ты никогда их не получаешь, не те, что хочешь.

Ева поднялась, подошла к нему и остановилась всего в шаге. Расстояние было ничтожным, но между ними зияла пропасть из лет, решений и крови. Она не отводила взгляда, не позволяла себе ни шага назад.

— Кто убивает? — спросила она прямо, без лишних слов, будто бросала вызов.

Марк не ответил. Он просто смотрел на неё — так же, как десять лет назад: так, словно она принадлежала ему. Как будто всегда принадлежала

— Я не знаю, кто он, — наконец произнёс Марк, и в его голосе не было ни капли уверенности. — Но я точно знаю: его цель — ты.

— Это я уже слышала, — сухо отозвалась Ева. — Скажи что-нибудь, чего я ещё не знаю.

Марк шагнул вперёд. Ева не сдвинулась с места — не отступила ни на сантиметр. Она смотрела ему прямо в глаза и ждала.

— Он использует Ритуал Метки, — продолжил Марк. — Тот самый, который ты когда-то изучала. Тот, который однажды применила.

Внутри у Евы всё сжалось — она будто заранее знала, что он произнесёт эти слова. Знала, что Марк не упустит шанса напомнить ей о её прошлом, о той единственной ошибке, которую она не могла стереть из памяти.

— Я знаю, — коротко бросила она. — Вера уже сказала.

— Но Вера не сказала главного, — Марк говорил тихо, но каждое слово падало, как тяжёлый камень. — Ритуал требует твоей крови. И убийца уже собрал её — из трёх жертв. Из трёх тел.

Ева застыла, словно время вокруг неё остановилось. Она подняла глаза на Марка и молча ждала, что будет дальше.

— Ты помнишь, как он работает? — спросил он.

— Помню, — проговорила она глухо. — Кровь к крови. Метка к метке. Зверь к зверю.

— Именно так, — кивнул Марк. — Убийца взял кровь трёх жертв и смешал её с твоей — с той, что осталась от ритуала десять лет назад. Теперь он готов завершить обряд.

Холод скользнул по спине Евы, острый и безжалостный. Она прекрасно понимала, что это значит. Понимала, к чему всё идёт — и что случится с ней, если ритуал дойдёт до конца.

— Он хочет сделать из меня сосуд, — тихо, почти шёпотом, произнесла она.

Марк снова кивнул. Он не сводил с неё взгляда, будто хотел прочесть каждую мысль, каждое сомнение. Он знал: сейчас она скажет что-то важное.

— И ты хочешь, чтобы я его остановила, — проговорила Ева, выделяя каждое слово. — Хочешь, чтобы я вернулась в стаю. Чтобы снова стала одной из вас.

— Я хочу, чтобы ты осталась жива, — спокойно ответил Марк. — Это не одно и то же.

Ева смотрела на него долго, вглядываясь в знакомые черты, искажённые годами и тайнами. Она не верила ему до конца — не верила ни единому его слову. Но в одном она была уверена: выбора у неё нет. Если она не остановит убийцу, он найдёт её. И сделает с ней то же, что и с теми тремя женщинами.

— Я помогу, — сказала она наконец. — Не потому, что ты просишь. И не потому, что я возвращаюсь. А потому, что это единственный способ его остановить.

Марк кивнул. Ни благодарности, ни улыбки — только спокойный, тяжёлый взгляд. Ева поняла: он ждал этого. Всегда знал, что она согласится.

— Где первый труп? — спросила она. — Тот, что нашли в лесу. Я должна его осмотреть.

— В старом морге на другом конце города, — ответил Марк. — Я отвезу тебя.

Ева кивнула. Её взгляд скользнул к Вере. Та смотрела на неё всё с тем же выражением, что и десять лет назад: смесь презрения, недоверия и чего-то ещё — чего-то, что Ева так и не научилась распознавать.

— Я поеду с вами, — заявила Вера. — Хочу посмотреть, как ты работаешь.

Ева ничего не ответила. Она просто вышла из цеха, села в машину Марка и уставилась в окно. Видела, как стая провожает её взглядами. Видела, как Вера садится в другую машину. Видела, как завод исчезает позади, растворяясь в серой дымке города.

Она понимала: она возвращается в прошлое. Понимала, насколько это опасно. Но выбора не было. Его никогда и не было.

Старый морг стоял на окраине, в забытом углу города. Здание давно закрыли, оно стояло заброшенным много лет. Но стая продолжала им пользоваться — Ева не знала зачем и, честно говоря, не хотела знать.

Марк припарковал машину у входа. Ева вышла и окинула взглядом маленькое серое здание: окна были заколочены досками, дверь казалась непроницаемо тёмной. Марк достал ключ, провернул его в ржавом замке, и дверь со скрипом приоткрылась.

Внутри пахло холодом и чем-то старым, полузабытым. Запах формалина был едва уловимым, тусклым, будто выдохшимся за годы, но он всё ещё был здесь. И от этого запаха внутри Евы что-то сжалось — то, что она столько лет пыталась похоронить.

— Где тело? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— В подвале, — ответил Марк. — Там холоднее. И оно лучше сохраняется.

Они спускались по узкой лестнице: впереди шёл Марк, за ним — Ева, а следом, не отставая ни на шаг, двигалась Вера. Ева остро ощущала их запахи, чувствовала на себе их взгляды — и от этого зверь внутри неё шевелился, пробуждался, тянулся наружу. Она стиснула кулаки, не позволяя себе ни дрожи, ни слабости — только холодную собранность.

В подвале царила густая темнота, пока Марк не щёлкнул выключателем. Свет вспыхнул тускло, выхватив из мрака стальной стол и то, что на нём лежало. Тело было накрыто простынёй. Ева подошла ближе, медленно откинула ткань.

Молодая женщина, лет двадцати трёх. Те же три борозды на спине — ровные, безжалостные, до боли знакомые. Ева осторожно провела пальцем по краю раны, пытаясь уловить не только форму, но и смысл, скрытый в этих линиях. Что-то шевельнулось внутри — какое-то смутное узнавание, которое она не могла облечь в слова.

— Что ты видишь? — спросил Марк.

— То же, что и всегда, — ответила Ева ровно. — Три борозды. Массивная кровопотеря. Никаких следов борьбы. Будто жертва даже не пыталась сопротивляться.

— А что ты чувствуешь? — настаивал он.

Ева замерла, подняла на него взгляд. Она знала, о чём он спрашивает — не про медицинские детали, а про то, что улавливал её звериный нюх, то, что оседало в памяти глубже любых фактов.

— Я чувствую запах, — проговорила она тихо. — Влажный мех, холодную землю, железо… и метку. Ту самую.

Марк кивнул, не сводя с неё глаз, будто ждал, что она скажет ещё что-то.

— И ещё что-то, — добавила Ева, хмурясь от усилий подобрать слова. — Что-то горькое. Что-то, что пахнет не просто смертью, а чем-то старым, застывшим, как проклятье.

— Это Рик, — вставила Вера, и голос её прозвучал твёрдо, без жалости.

Ева резко обернулась, посмотрела на неё, требуя объяснений одним только взглядом.

— Рик был твоим наставником, — продолжила Вера. — Он учил тебя ритуалу, вбивал в тебя каждое слово, каждый жест. Он исчез в ночь твоего побега. Все думали, что он мёртв. Но он жив.

Внутри у Евы что-то сжалось — не страх, а тяжёлое, горькое узнавание. Она помнила Рика: его руки, твёрдые и уверенные; его голос, низкий и спокойный; его улыбку, от которой становилось не по себе. Она помнила, как он говорил, что она особенная. Как повторял снова и снова: «Ты — ключ». Тогда она не понимала смысла этих слов. Теперь понимала слишком хорошо.

— Рик, — прошептала она, будто пробуя имя на вкус, как что-то ядовитое. — Я думала, он мёртв.

— Он не мёртв, — жёстко сказала Вера. — Он жив. Потому что он убивает. И он хочет тебя.

Ева переводила взгляд с тела на Марка, потом на Веру. Она знала: это только начало. Впереди будут новые тела, новые загадки, новая ложь — и каждый ответ будет стоить ей чего-то важного.

— Мне нужно уйти, — сказала она наконец. — Нужно подумать.

Она развернулась и пошла к лестнице, поднялась наверх, вышла на улицу. Холодный воздух ударил в лицо — свежий, чистый, пахнущий дождём и бензином, без примеси смерти. Ева глубоко вдохнула, будто пыталась смыть с себя этот подвал, этот запах, эти слова.

Сев в свою машину, она завела двигатель и посмотрела в зеркало заднего вида. Марк стоял у входа в здание, смотрел ей вслед. В его позе было что-то вечное — он всегда ждал. Всегда был готов.

Ева тронулась с места и поехала домой, а в голове крутились мысли о Рике, о его словах, о том, что он жив и что он делает. И о том, что рано или поздно ей придётся встретиться с ним лицом к лицу.

Припарковавшись у дома, она вышла из машины и посмотрела на окна. В спальне горел свет. Дэвид ждал её. Или делал вид, что ждёт.

Когда она вошла в квартиру, Дэвид сидел на диване, уставившись в телевизор. Он даже не обернулся.

— Ты опоздала, — сказал он ровно, без крика, но в этой ровности было больше упрёка, чем в любой ссоре.

— Я знаю, — ответила Ева. — Прости.

Она прошла в спальню, закрыла за собой дверь, легла на кровать и закрыла глаза. Перед внутренним взором снова вставали слова Рика: «Ты — ключ». Раньше они звучали почти как похвала. Теперь они звучали как приговор.

ГЛАВА 4. На пороге

Ева проснулась ровно в шесть — будто внутренний будильник щёлкнул в темноте, отрезая сон. Дэвид всё ещё спал рядом: лежал на спине и тихо похрапывал. Она смотрела на него долго, слишком долго, и в груди разрасталось тяжёлое, колючее чувство. Он не заслуживал ни её лжи, ни этого холода, ни самой её — такой чужой в их общей квартире.

Она встала бесшумно, словно боялась спугнуть тишину, и прошла в ванную. В зеркале отразилось то, что она и так знала: бледное, будто выцветшее лицо, тёмные круги под глазами, губы, сжатые так, будто она держала внутри крик. Она выглядела как человек, который не спал не неделю — а целую жизнь. И чувствовала себя точно так же.

Умывшись ледяной водой, она будто пыталась смыть с себя ночные тени, но они держались крепко. Почистив зубы, накинув халат, Ева вышла на кухню и сварила кофе. Села за стол, уставившись в чёрную гладь напитка. Мысли снова и снова возвращались к Рику.

Рик… Её наставник, её проводник в мир ритуалов и запретов. Он говорил, что она особенная. Шептал, что она — ключ. Тогда она была молодой, доверчивой, глупой — и верила каждому его слову. Верила, что в этом есть что-то великое. А он просто готовил её — как готовят инструмент. Как готовят жертву. Так как готовят оружие. И использовал. Как и все остальные.

Ева сделала глоток. Кофе был горьким, резким, обнажающим. Она не добавила сахар — никогда не добавляла. Сладость казалась ей теперь чем-то постыдным, будто попытка спрятать правду за приторностью.

В семь на кухню вошёл Дэвид. Вид у него был усталый, но Ева знала: он не спал. Просто лежал с закрытыми глазами и делал вид, что его ничего не тревожит. Она чувствовала это по его запаху — он пах тревогой, густой и едкой, как дым от сырых дров.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответила она, не поднимая глаз.

Он налил себе кофе, сел напротив, посмотрел на неё так, будто пытался разглядеть сквозь стены, которые она возводила между ними.

— Ева, — тихо начал он. — Нам нужно поговорить.

— О чём? — спросила она, хотя прекрасно знала, о чём. Просто тянула время, цепляясь за эти секунды, когда ещё можно было не рушить всё до основания.

— О нас, о тебе, о том, что с тобой происходит, — он говорил спокойно, и в этой ровной интонации особенно ясно звучала скрытая боль.

Ева поставила чашку на стол и посмотрела на него. Ждала.

— Я не знаю, кто ты сейчас, — проговорил Дэвид, и голос его дрогнул лишь на долю секунды, но этого хватило. — Я думал, что знаю. А теперь понимаю, что ошибался.

Она молчала. Не потому что не хотела говорить — а потому что слова застряли где-то глубоко, там, где страх сплетался с любовью.

— Ты уходишь по ночам, — продолжал он. — Возвращаешься под утро. Ты почти не спишь, почти не ешь. И смотришь на меня так, будто я — чужой. Будто я стою за стеклом, и ты не можешь до меня дотянуться.

— Ты не чужой, — сказала она тихо, и это была единственная правда, которую она могла ему дать.

— Тогда скажи мне, что происходит, — попросил он. — Не лги. Не прячься. Я не буду злиться. Я просто хочу знать, что с тобой. Хочу быть рядом, если тебе тяжело.

Ева втянула воздух, пытаясь собрать слова, но они рассыпались, как сухие листья. Она хотела выложить всё: про стаю, про Марка, про Рика, про то, кем она была и кем станови-

лась снова. Хотела, чтобы он знал. Но страх сковывал горло: она боялась, что он уйдёт. А ещё страшнее было то, что он останется — и будет смотреть на неё с жалостью или ужасом.

— Я не могу, — прошептала она наконец.

Дэвид долго смотрел на неё, будто пытался запомнить каждую черту, каждое движение, каждую тень в её глазах. Потом кивнул, встал, поставил чашку в раковину и вышел из кухни. Ева осталась одна. Кофе перед ней остывал, становясь таким же холодным, как и она сама.

Днём Ева приехала на работу, и даже привычный запах морга сегодня казался ей чужим — слишком резким, слишком обнажающим. Санитар взглянул на неё с удивлением — её смена начиналась позже, но она не стала ничего объяснять. Прошла в свой кабинет, закрыла дверь, села за стол. Перед глазами лежали бумаги, но буквы сливались в бессмысленные узоры.

Мысли крутились вокруг Рика: он жив. Он убивает. Он хочет её. И она знала, что рано или поздно им придётся встретиться. Знала, что тогда всё решится — или она остановит его, или он остановит её.

В дверь постучали. Ева подняла голову, с усилием возвращаясь в реальность.

— Войдите, — сказала она.

Дверь открылась, и на пороге появился начальник полиции. Вид у него был измученный, а в глазах читалась усталость, смешанная с гневом.

— Доктор Рорк, — произнёс он без предисловий. — У нас третий труп.

Ева встала, надела халат и пошла за ним. Они спустились в подвал. Холод здесь был особенным — не просто низкой температурой, а чем-то древним, застывшим. Пахло формалином, но под этим запахом прятался другой — горький, звериный, знакомый до мурашек.

Тело лежало на столе, накрытое простынёй. Молодая женщина, лет двадцати пяти. Ева откинула ткань и провела пальцем по краю раны — по тем самым трём бороздам, которые уже стали для неё проклятым узором. Она почувствовала это снова: запах смерти, смешанный с чем-то диким, первобытным. И метку — ту самую, которую она когда-то училась ставить, а теперь училась распознавать.

— Кто она? — спросила Ева.

— Анна, — ответил начальник. — Работала в библиотеке. Как и вторая жертва. Они были знакомы.

Ева кивнула, но ничего не сказала. В голове билась одна мысль: убийца не остановится. Он будет убивать, пока не получит то, что хочет. Пока не получит её.

— Вы знаете, кто это делает? — спросил начальник, и в его голосе прозвучала не просто профессиональная заинтересованность — в нём была надежда.

— Нет, — честно ответила Ева. — Но я узнаю.

Начальник посмотрел на неё долгим, пристальным взглядом, будто пытался понять, насколько она готова заплатить за эту правду. Потом кивнул и вышел. Ева осталась наедине с телом и своими мыслями.

Она смотрела на Анну и думала не о справедливости, не о законе, а о том, что сделает, когда найдёт Рика. В её голове не было места для сомнений. Только холодная, стальная решимость. И ещё — отголосок его слов, которые теперь звучали как приговор: «Ты — ключ». Раньше она думала, что это похвала. Теперь знала: это была метка. И Рик пришёл за своим ключом.

Вечер опустился на город, густой и тёмный, будто вылил на улицы чернила. Ева вернулась домой и сразу почувствовала эту тишину — не уютную, а натянутую, звенящую от невысказанных слов. Дэвид сидел на диване, уставившись в телевизор, но, кажется, даже не видел картинки. Он не обернулся, когда она вошла, — и от этого у Евы внутри что-то сжалось.

Она прошла в спальню, тихо прикрыла дверь, легла на кровать и закрыла глаза. Но темнота за веками не принесла покоя: перед внутренним взором снова и снова всплывали слова Рика, сказанные десять лет назад: «Ты — ключ». Тогда они звучали почти как ласка, как обе-

щание чего-то великого. Теперь в них слышался лязг металла — словно защёлкнулся замок на клетке, которую она не замечала.

В дверь позвонили. Ева распахнула глаза, посмотрела на часы: десять вечера. Кто мог прийти в такой час? Она встала, прошла по коридору. Дэвид уже открывал дверь.

На пороге стоял Марк. Высокий, широкоплечий, с седыми волосами и лицом, изрезанным шрамами. Он выглядел старше, чем она помнила, — и гораздо опаснее. В нём не было ничего от уютного вечера, от тёплой квартиры, от нормальной жизни. Он был частью той другой реальности, которую Ева пыталась оставить за дверью.

— Ева, — сказал он без предисловий. — Нам нужно поговорить.

Дэвид обернулся. Его взгляд скользнул с Марка на Еву, потом обратно — в нём читались вопросы, сотни вопросов, и ни одного произнесённого вслух.

— Кто это? — наконец спросил он, и голос прозвучал непривычно сухо.

Ева шагнула вперёд, встала между ними, будто пыталась заслонить один мир от другого. Она посмотрела на Марка, потом на Дэвида. Этот момент она предчувствовала давно, но всё равно оказалась к нему не готова.

— Это Марк, — сказала она. — Мой бывший. Он сейчас уйдёт.

Марк не шелохнулся. Не улыбнулся, не кивнул, не поблагодарил за эту неуклюжую попытку всё сгладить. Он просто смотрел на неё тяжёлым, немигающим взглядом. И Ева поняла: он не уйдёт. Он никогда не уходит, когда дело касается стаи, ритуалов и крови.

— Стаю режут, — произнёс Марк, и в этих словах не было ни драмы, ни пафоса — только голая, страшная правда. — Ты нужна.

Дэвид снова перевёл взгляд на Еву. В его глазах читалось: «Объясни. Скажи, что это какая-то ошибка, что всё не так серьёзно». Но он ничего не сказал. Вежливость и доброта иногда становятся самой тяжёлой бронёй — и самым горьким молчанием.

— Ева, — тихо позвал он. — Что происходит?

Она закрыла глаза, сделала глубокий вдох, будто собиралась нырнуть в ледяную воду, и снова открыла их. Посмотрела на Марка, на Дэвида — и выбрала ложь, потому что правда была слишком острой, чтобы резать ею того, кто не готов.

— Это связано с работой, — проговорила она ровно. — Марк — свидетель. Помогает с расследованием.

Дэвид смотрел на неё долго, слишком долго. Он не поверил — это было видно по тому, как чуть дрогнула его челюсть, как потемнели глаза. Но он кивнул. Отступил в сторону. Позволил Марку войти.

Марк прошёл в гостиную, сел на диван — так, будто это было его место, будто он имел право здесь быть. Он посмотрел на Дэвида, потом на Еву. Ждал.

— Говори, — сказала Ева, и в её голосе не осталось ничего, кроме стали. — Что случилось?

— Рик активировал первый этап ритуала, — спокойно, почти буднично произнёс Марк. — Несколько оборотней потеряли контроль. Они сорвались, набросились на людей. Мы остановили их, но это только начало. Дальше будет хуже.

Холод скользнул по спине Евы, тонкий, как лезвие. Она знала, что это значит: Рик не просто убивает — он строит что-то, плетёт узор из крови и боли, где она должна стать центральным звеном.

— Сколько? — спросила она.

— Трое, — ответил Марк. — Трое сошли с ума. Трое мертвы. И это только первые.

Ева бросила взгляд на Дэвида. Он стоял в дверях, смотрел на них, будто на актёров в пьесе, смысл которой ему недоступен. Она знала: он никогда не поймёт. И не должна была заставлять его понимать.

— Дэвид, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Мне нужно уйти.

— Куда? — спросил он, и в этом вопросе было столько надежды, будто она могла ответить: «В магазин за хлебом», «На пять минут», «Ничего страшного».

— На работу, — сказала Ева. — Это срочно.

Он смотрел на неё, потом на Марка, снова на неё. Не говорил ни слова, но в его молчании было больше упрёка, чем в любой ссоре. И Ева знала: он не верит ей. Не верит ни единому слову. И она не имела права его винить.

Она схватила куртку, вышла из квартиры. Марк последовал за ней. Они сели в его машину и поехали на завод. Ева смотрела в окно, на мелькающие огни, на тёмные силуэты домов, и думала о Дэвиде. О том, что она теряет его с каждым шагом всё сильнее. О том, что, возможно, уже потеряла.

На заводе стояла тишина, но не спокойная, а зловещая — та, что бывает перед бурей. Ева вышла из машины и сразу почувствовала запах: кровь, железо, смерть. Он висел в воздухе, въедался в кожу, в память.

Она вошла в цех. Стая собралась вокруг костра, неподвижная, напряжённая, похожая на стаю хищников, которые чуют опасность, но ещё не знают, откуда она придёт. Все смотрели на неё. Ждали.

Вера вышла вперёд. Лицо её было усталым, но глаза горели гневом.

— Ты опоздала, — сказала она жёстко, без капли сочувствия.

— Я пришла, — сказала Ева. — Этого достаточно.

Вера усмехнулась — коротко, без тени тепла, и в этой усмешке было больше яда, чем в любом прямом оскорблении. Она ничего не сказала, просто смотрела на Еву, и в её взгляде читалась старая, въевшаяся ненависть — та, что не тускнеет с годами. Ева чувствовала её кожей, как ледяной сквозняк. Эта ненависть жила здесь ещё десять лет назад. И никуда не делась сейчас.

— Что случилось? — спросила Ева, стараясь держать голос ровным, будто могла удержать под контролем хотя бы это. — Где тела?

— В подвале, — ответила Вера, и в её тоне не было ни скорби, ни сожаления — только сухая констатация. — Мы их убрали, спрятали, пытались хоть как-то сгладить следы. Но это ничего не меняет. Ритуал уже пошёл и его не остановить.

Ева перевела взгляд на Марка. Он стоял рядом, неподвижный, словно высеченный из камня, и смотрел на неё. В его глазах не было утешения — только ожидание: он ждал, что она скажет то, во что можно будет поверить.

— Мы можем его остановить, — проговорила Ева твёрдо, и сама почувствовала, как в этих словах появляется сила. — Но для этого мне нужно найти Рика.

— Мы искали, — резко бросила Вера. — Проверили все его старые места, всех его людей. Ничего. Он исчез, будто растворился.

— Я найду, — сказала Ева, и в голосе её прозвучала уверенность, в которую она сама почти верила. — Я знаю, как он думает. Знаю, чего он хочет. Он не прячется — он ждёт. Ждёт, когда я приду.

Вера долго смотрела на неё, будто пыталась прочесть за словами правду или ложь. Потом, едва заметно кивнув, отступила в сторону — словно сдавала позицию, которую так долго удерживала. Позволила Еве пройти.

Ева спустилась в подвал. Там было темно, и темнота казалась густой, почти осязаемой. Пахло кровью, железом, смертью — запахом, который въедается в память и не отпускает. На полу лежали тела — трое: двое мужчин и одна женщина. Молодые, сильные, оборотни… и теперь — просто мёртвые. Они сошли с ума, поддались ритуалу, стали орудиями чужой воли, а потом их остановили. Ева смотрела на них и не чувствовала жалости — только холод, тяжёлый и ровный, как лезвие.

Она поднялась наверх, вышла из цеха, села в машину Марка и посмотрела на него.

— Отвези меня домой, — сказала она тихо. — Мне нужно подумать. Мне нужно выстроить цепочку.

Марк кивнул, завёл двигатель, и машина плавно тронулась с места. Ева смотрела в окно, на мелькающие огни, на тёмные силуэты улиц, но видела не город — а схемы, маршруты, места, где Рик мог бы ждать. Она перебирала в голове его слова, его привычки, его логику убийцы, который считает себя пророком. Думала о том, что сделает, когда найдёт его. И знала: это будет не разговор.

До дома она добралась к полуночи. Дэвид спал — или лежал с закрытыми глазами, притворяясь, что спит, чтобы не показывать, как ему больно от её отсутствия. Ева прошла в спальню, легла на кровать, закрыла глаза. Но сон не шёл. Вместо него в голове стучала одна мысль, острая и безжалостная: у неё есть два дня. Два дня до полной луны. Два дня, чтобы найти Рика, сорвать ритуал, спасти стаю — и, возможно, спасти себя. Два дня, за которые она может потерять всё.

ГЛАВА 5. Десять лет назад

Еве было девятнадцать. Она жила в стае, а стая обосновалась в глухом лесу — холодном, тёмном, будто проглотившем любой свет. Зима здесь держалась восемь месяцев, и снег порой доходил до пояса. Ветер выл так яростно, что заглушал даже собственные мысли, стирая их, словно мел с доски.

Ева была омегой — самой низшей в иерархии. У омеги не было права голоса, она не задавала вопросов и лишь беспрекословно выполняла приказы. Ева рано научилась этой покорности и отточила её до совершенства.

Вера, альфа-женщина стаи, была высокой и сильной, а шрам, пересекавший её левую щёку, она получила в бою — и искренне гордилась им. «Шрам — это память, — любила повторять Вера. — А память — это сила». При этом она явно недолюбливала Еву, хотя та так и не поняла почему. В глубине души Ева подозревала, что дело в её собственных особенностях: в глазах, будто видевших слишком многое; в руках, отзывавшихся на малейшее прикосновение; в запахе, едва уловимо отличавшемся от остальных.

«Ты слишком тихая, — не раз бросала ей Вера. — А тихие — самые опасные».

Ева не понимала смысла этих слов, но и не решалась спросить: омеги не имели права задавать вопросы.

Рик, старый и мудрый, стал её наставником. Он обучал Еву запретному ритуалу под названием «Метка» — тому самому, который Вера много лет назад строго-настрого запретила.

«Вера боится, — говорил Рик с лёгкой усмешкой. — Она боится того, чего не понимает».

Ева верила ему. Рик был единственным, кто обращался с ней почти как с равной, и от этого она чувствовала себя значимой.

«Ты особенная, Ева, — часто повторял он. — Ты — ключ».

Она не до конца понимала, что кроется за этими словами, но ей было достаточно самого факта, что её считают особенной. Ева старательно запоминала всё: символы, слова, порядок смешивания крови, точные движения, которыми следовало наносить метку на кожу.

«Метка пробуждает зверя, — объяснял Рик. — Того самого, настоящего, что спит внутри каждого из нас и ждёт своего часа».

Она оказалась прилежной ученицей — слишком прилежной. Ева не задавалась вопросами о последствиях, не пыталась заглянуть вперёд. Ей было важно лишь одно: Рик оставался ею доволен.

Однажды он произнёс фразу, от которой у неё внутри всё сжалось:

«Однажды ты станешь сосудом для всей стаи, Ева. Это великая честь».

Она тогда не осознала всей тяжести этих слов. Просто кивнула и тихо сказала: «Спасибо, Рик».

А он улыбнулся — тепло и спокойно. И эта улыбка, как Ева поняла позже, была самой настоящей ложью.

Марк, молодой и сильный охотник, приносил в стаю мясо и защищал её от внешних угроз. Он почти не замечал Еву: омеги были не для охотников, они существовали лишь для воли альф. Но порой Марк задерживал на ней взгляд — долгий, пристальный, будто видел то, что остальные упорно не замечали. Ева остро чувствовала этот взгляд, но не поднимала глаз: страх сковывал её.

Как-то раз он подошёл к ней и тихо сказал:

— Ты не должна быть здесь.

— Я не понимаю, — ответила она, пряча дрожь в голосе.

— Ты и не можешь понять, — проговорил Марк. — Потому что они специально делают всё, чтобы ты ничего не понимала. Им нужно, чтобы ты оставалась послушной, тихой, удобной. Чтобы ты просто была омегой.

— Но я и есть омега, — возразила Ева, словно цепляясь за единственное, что ей позволяли считать своей сутью.

— Нет, — жёстко сказал Марк, глядя ей прямо в глаза. — Ты не просто омега. Ты — что-то иное. То, чего они по-настоящему боятся.

Ева ничего не ответила. Она отступила на шаг, опустив взгляд. Ей не хотелось проблем: в их мире проблемы всегда оборачивались болью, а боль считалась слабостью, а слабость — верным путём к гибели.

Та ночь выдалась особенно холодной. Снег шёл с самого утра, укрывая деревья, крыши и землю ровным, безмолвным покровом. Всё вокруг стало белым и неестественно тихим.

Но Ева не могла уснуть. Она слышала приглушённые шаги, обрывки голосов и собственное имя, произнесённое вполголоса. В конце концов она встала, вышла из комнаты и бесшумно прошла по коридору. Остановившись у приоткрытой двери, она замерла и прислушалась.

Из комнаты доносились голоса.

— Она готова, — уверенно произнесла Вера.

— Она всегда была готова, — спокойно отозвался Рик.

— Ты уверен, что это сработает? — в голосе Веры слышалось редкое для неё сомнение.

— Абсолютно уверен, — ответил Рик без колебаний. — Её кровь — ключ. Её метка — ключ. Да и она сама — ключ.

Холодок пробежал по спине Евы, словно кто-то провёл по ней ледяной иглой. Она не хотела понимать смысл этих слов, отчаянно желала просто вернуться в свою комнату, закрыть дверь и сделать вид, что ничего не слышала.

Но ноги будто приросли к полу. Она осталась стоять и слушать.

— Если это не сработает, мы её потеряем, — проговорила Вера, и в этих словах прозвучала не забота, а холодный расчёт.

— Мы её не потеряем, — уверял Рик. — Она — сосуд. Она не сможет уйти. Метка и кровь навсегда свяжут её со стаей.

— А если она сама не захочет? — упорствовала Вера.

— У неё не будет выбора, — холодно ответил Рик. — Ритуал не спрашивает согласия. Ритуал просто берёт то, что ему нужно.

Ева тихо отступила от двери, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой, болезненный узел. Теперь она наконец поняла: они собирались использовать её. И не собирались спрашивать, хочет ли она этого.

В тот момент она осознала одну простую вещь: если она останется, её судьба будет решена без её участия. А значит, у неё оставался лишь один путь — бежать.

Она побежала.

Она мчалась по коридору, потом вниз по лестнице, к выходу, а за спиной всё громче звучали шаги, голоса и её собственное имя, выкрикиваемое в гневе. Наконец она вырвалась на улицу — и ледяной, мокрый снег хлестнул по лицу, отрезвляя, подгоняя. Не раздумывая, Ева бросилась к лесу: тёмному, густому, пугающему — и в тот момент единственному шансу на спасение.

Позади слышался топот, крики, ярость тех, кто гнался за ней. Она бежала быстрее, чем когда-либо прежде, — бежала ради того, чтобы остаться в живых. Но земля под снегом оказалась коварной: она споткнулась и рухнула, а снег забился в рот — холодный, горький, чужой. Ева попыталась подняться, но не смогла: нога запуталась в сплетении корней, тело словно отказывалось подчиняться.

Шаги приблизились. Она подняла голову — над ней стоял Марк. Его жёлтые глаза горели, лицо было бледным, дыхание тяжёлым, будто он сам только что преодолел долгий, изнуряющий путь.

— Марк… пожалуйста, — прошептала она.

Он не ответил. Присел рядом, крепко взял её за плечи и посмотрел прямо в глаза.

— Ты должна бежать, — проговорил он резко, но без злобы. — Уходи как можно дальше. Туда, где они никогда тебя не найдут.

Ева смотрела на него, не в силах осознать, почему он помогает, почему не отдаёт её тем, кто жаждет её вернуть.

— Почему? — спросила она, голос дрожал.

Марк снова не ответил. Вместо слов он наклонился к её шее — и укусил. Зубы прорвали кожу, и острая, обжигающая боль заставила её закричать. Кровь потекла по шее, капая на снег, — ярко-красная на слепящей белизне.

Он отстранился. На губах у него была кровь, глаза по-прежнему горели жёлтым, а лицо стало жёстким, чужим.

— Теперь ты моя, — произнёс он холодно. — Теперь они не смогут тебя забрать.

Она смотрела на него и не хотела понимать смысла этих слов. Хотела просто уйти, забыть, стереть из памяти всё, что случилось. Но времени на раздумья не было. Превозмогая боль в ноге и жжение на шее, Ева поднялась и снова побежала — сквозь лес, сквозь снег, пока силы окончательно не покинули её, а мир не померк перед глазами.

Очнулась она в машине, не зная, чья это машина и куда её везут. Единственное, в чём она была уверена, — она жива. И на какой-то миг ей даже показалось, что она свободна.

Водитель оказался пожилым человеком, обычным, человеческим — без звериной силы, без жёлтых глаз.

— Я нашёл тебя на дороге, — спокойно сказал он. — Ты была без сознания. Везу в больницу.

Ева молча кивнула. Сказать «спасибо» не получалось: горло саднило, шея пылала, а внутри была странная, звенящая пустота.

За окном по-прежнему шёл снег, укрывая деревья, крыши и землю ровным, безмолвным покровом. Всё вокруг казалось белым и неестественно тихим — будто мир затаил дыхание.

Она закрыла глаза и снова увидела перед собой Марка, услышала его слова: «Теперь ты моя». Ева не хотела принадлежать никому. Не хотела быть чьей-то, не хотела быть ничьим инструментом. Она мечтала только об одном — быть свободной.

Открыв глаза, она посмотрела на свои руки: на коже осталась кровь — её и его. Кровь на снегу. В тот миг она дала себе клятву: никогда не возвращаться, никогда не становиться сосудом, жить как обычный человек, без стаи, без ритуалов, без меток.

Но судьба распорядилась иначе. Клятву она не сдержала.

ГЛАВА 6. Отказ

Ева проснулась в семь утра, хотя и не спала вовсе. Она долго лежала в постели, уставившись в потолок, а рядом тихо дышал Дэвид — он лежал на спине, будто старался даже во сне казаться спокойным. Ева скользнула взглядом по его лицу и снова почувствовала ту самую тяжесть: он не заслуживал всей этой лжи, этого холода, да и её самой в нынешнем обличье.

Она поднялась, прошла в ванную и умылась ледяной водой, надеясь, что холод хоть немного прояснит мысли. В зеркале отразилось её собственное лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами, губы сжаты так, словно она сдерживала крик. Вид был такой, будто она не спала не неделю, а целую вечность. И чувствовала себя ровно так же.

На кухне Ева сварила кофе, села за стол и уставилась в чашку, не замечая ни аромата, ни тепла. Мысли кружились вокруг Рика: он жив, он убивает, он охотится — и она была его главной целью.

В половине восьмого на кухню вошёл Дэвид. Вид у него был усталый — такой, какой бывает у человека, который всю ночь притворялся спящим. Ева знала это, чувствовала: даже его запах пропитался тревогой, горьким, едким беспокойством.

— Доброе утро, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Доброе, — ответила она, не поднимая глаз.

Дэвид налил себе кофе, сел напротив и посмотрел на неё так, будто пытался разглядеть за привычной маской настоящую Еву. Она же продолжала смотреть в чашку, будто там можно было найти нужные слова.

— Ева, — тихо позвал он. — Кто был тот мужчина?

Она наконец поставила чашку на стол и подняла глаза. Этот вопрос был неизбежен — она ждала его, готовилась к нему, но всё равно оказалась не готова.

— Я уже сказала, — проговорила она. — Марк. Мой бывший. Он помогает с расследованием.

Дэвид медленно покачал головой — он не верил. Ева видела это в его взгляде: в нём не было злости, только глубокая, болезненная растерянность.

— Он не похож на свидетеля, — произнёс Дэвид. — Он выглядит как человек, который знает тебя лучше, чем я.

Ева промолчала. Сказать правду она не могла, а лгать не хватало сил. Оставалось только сидеть и смотреть на него, чувствуя, как между ними разрастается пропасть.

— Ева, — снова заговорил Дэвид, на этот раз совсем тихо. — Я не глупый. Я вижу, что что-то происходит. Вижу, что ты что-то скрываешь.

— Я не скрываю, — машинально ответила она.

— Скрываешь, — спокойно, без напора повторил он. — Ты уходишь по ночам, возвращаешься под утро. Почти не спишь, почти не ешь. А когда смотришь на меня… будто я чужой.

Ева закрыла глаза, сделала глубокий вдох, словно собиралась нырнуть в ледяную воду, и снова посмотрела на него.

— Я не могу тебе сказать, — прошептала она. — Прости.

Дэвид долго смотрел на неё, будто пытался запомнить каждую черту, каждый отблеск тени в её глазах. Потом кивнул, встал, поставил чашку в раковину и вышел из кухни. Ева осталась одна. Кофе перед ней давно остыл — таким же холодным, как и всё внутри неё.

Днём Ева приехала на работу и сразу направилась в морг. Санитар взглянул на неё с немым удивлением — она пришла раньше обычного, да ещё и с таким лицом, будто за ней гнались кошмары. Но Ева не обратила на него внимания: прошла в свой кабинет, закрыла дверь и опустилась в кресло. Перед глазами лежали бумаги, но буквы сливались в бессмысленные узоры, не желая складываться в слова.

Мысли снова и снова возвращались к Марку и его словам: «Стаю режут. Ты нужна». Ева помнила, как твёрдо отказалась помогать. Помнила, как сказала ему, что у неё теперь своя жизнь, что она не вернётся в тот мир, где её считали сосудом, инструментом, ключом. Но теперь эти слова казались хрупкими, как стекло: достаточно одного резкого движения — и они разлетятся на осколки.

Она сидела, глядя в пустоту, и пыталась удержать эту хрупкую границу между прошлым и настоящим, понимая, что оно уже подбирается всё ближе, готовое сорвать с неё привычную маску и обнажить то, что она так старательно прятала.

Марк не стал спорить — лишь молча посмотрел на неё, будто пытался прочесть за холодной решимостью настоящие чувства. Потом достал клочок бумаги, быстро набросал адрес и положил листок на стол.

— Если передумаешь, — коротко произнёс он и, не дожидаясь ответа, ушёл.

Ева взяла бумагу, скользнула взглядом по строчкам. Завод — тот самый, проклятый, знакомый до последней трещины в бетоне. Она сжала листок в кулаке, смяла и швырнула в мусорную корзину, словно пыталась вместе с ним выбросить и саму мысль о возвращении.

«Я не поеду, — твердила она себе, будто заклинание, способное удержать её на месте. — Это не моя проблема. Больше не моя».

Она посмотрела на часы: три часа дня. Потом перевела взгляд на бумаги перед собой, но буквы расплывались, не складываясь в слова. В голове стучала одна и та же мрачная дробь: три женщины, три борозды, три оборванные жизни.

В дверь постучали. Ева подняла голову, усилием воли возвращаясь в реальность.

— Войдите, — проговорила она чуть хрипло.

Дверь открылась, и на пороге возник начальник полиции. Вид у него был измученный, а в глазах читалась не просто усталость — злость, горькая и тяжёлая, как свинец.

— Доктор Рорк, — сказал он без предисловий. — У нас проблема.

Ева встала, накинула халат и последовала за ним. Они спустились в подвал: здесь всегда было холодно, а сегодня холод казался особенно злым, пробирающим до костей. В воздухе висел едкий запах формалина, но под ним прятался другой аромат — горький, знакомый, тот самый, от которого по спине бежали мурашки.

На столе лежало тело. Молодой мужчина, лет тридцати. И те же три борозды на спине — ровные, безжалостные, будто выведенные по линейке чьей-то холодной рукой.

Ева подошла ближе, откинула простыню и провела пальцем по краю раны. Ощущение было странным: не просто прикосновение к мёртвой коже, а словно эхо чего-то древнего, спрятанного глубоко внутри неё. Запах метки витал в воздухе — он был ей слишком хорошо знаком.

— Кто он? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Андрей, — ответил начальник. — Работал в библиотеке, как и две предыдущие жертвы. Они были знакомы.

Ева кивнула. В голове складывалась страшная мозаика: библиотека, одинаковые раны, один убийца. И цель — она сама. Рик не просто убивал: он рисовал узор из смерти, где она должна стать финальной точкой.

— Вы знаете, кто это делает? — спросил начальник, и в его голосе слышалась надежда на чудо.

— Нет, — честно ответила Ева. — Но я узнаю.

Он посмотрел на неё долгим, пристальным взглядом, будто пытался понять, хватит ли у неё сил дойти до конца. Потом молча кивнул и вышел, оставив её наедине с телом и с правдой, которую она так старалась не замечать.

Вечером Ева вернулась домой. Дэвид сидел на диване, уставившись в телевизор, но, казалось, не видел ни картинки, ни титров. Он даже не обернулся, когда она вошла. Ева тихо прошла в спальню, закрыла дверь и легла на кровать, уставившись в темноту.

Она думала о Рике и о его словах, сказанных десять лет назад: «Ты — ключ». Тогда они звучали почти как ласка, как обещание чего-то великого. Теперь в них слышался лязг металла — будто защёлкнулся замок на клетке, которую она не замечала.

Мысли перескакивали на Марка, на его фразу: «Стаю режут. Ты нужна». Ева вспомнила, как твёрдо отказалась, как сказала, что у неё теперь другая жизнь, что она не вернётся. И как эти слова сейчас казались жалкой попыткой убедить саму себя.

Она знала, что вернётся. Понимала это с самого начала — с того момента, как Марк появился на пороге её квартиры, с того мгновения, когда увидела три борозды на спине первой жертвы, с того запаха метки, который невозможно спутать ни с чем. Знала, что Рик жив, а значит, выбора у неё нет.

Ева резко села, будто сбросив с себя оцепенение. Прошла в коридор, надела куртку, кроссовки, схватила ключи. И вышла из квартиры, не сказав Дэвиду ни слова — ни куда идёт, ни когда вернётся. Просто ушла, оставив за спиной тишину, которая теперь казалась ей громче любого крика.

Машина мчалась по тёмным улицам, и Ева гнала её вперёд, будто могла обогнать время. Она знала дорогу к заводу наизусть — запомнила ещё тогда, в прошлой жизни, когда каждое место здесь имело свой смысл, свой запах, свою историю. Сейчас она хотела успеть до полуночи, до того момента, когда ритуал достигнет своей кульминации. Хотела успеть, пока ещё оставалось хоть что-то, что можно было спасти.

Припарковавшись у завода, она вышла и посмотрела на здание. Старое, заброшенное, с заколоченными окнами и стенами, покрытыми выцветшими граффити. Но за этой оболочкой чувствовалось иное: живая, напряжённая энергия, запах стаи — влажного меха, холодной земли, железа. И ещё что-то, неуловимое, от чего сердце билось быстрее, а кожа покрывалась мурашками.

Ева глубоко вдохнула, словно набираясь смелости, и шагнула внутрь.

Внутри царила густая темнота, лишь редкие лучи света пробивались сквозь щели в досках, рисуя на полу тонкие, дрожащие полосы. Она шла медленно, ступая осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Ева знала: за ней наблюдают. Чувствовала на себе взгляды, улавливала запахи — десятки, может, даже сотни оттенков, сплетающихся в единую, тревожную симфонию. Стая была здесь.

Пройдя по длинному, полутёмному коридору, она оказалась в большом цехе. В центре горел костёр, отбрасывая на стены пляшущие тени. Вокруг огня стояли фигуры — люди или не люди, Ева не могла сказать наверняка. Они замерли, будто ждали её, и в этой тишине было больше угрозы, чем в любом крике.

Фигуры вокруг костра походили на людей — но в них было что-то чуждое. Глаза горели неестественно ярко, движения были резкими, стремительными, будто нарушавшими законы обычной человеческой скорости, а запах — диким, звериным, острым, от которого волоски на коже вставали дыбом.

Вера вышла вперёд. В её осанке читалась усталость, а в лице — злость, тяжёлая и горькая, словно она несла её годами.

— Ты вернулась, — проговорила она без удивления, будто иного и не ждала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.